

Текст · 1 апреля 2019, 09:37

Никита Сологуб,

## «Мама, я тебе пригожусь!». Почему в убийстве домашнего тирана с Кубани признались и его жена, и сын

«На самом деле мой сын никакого преступления не совершал. Удар кухонным ножом мужу нанесла я, когда оборонялась от него. В тот вечер он был пьян, сильно избивал меня и унижал на кухне нашей квартиры. <...> В этот раз он ударил меня своей правой ладонью по щеке сильнее, чем обычно. Спустя несколько секунд ударил еще раз и стал угрожать, сказав: "Сейчас тебе еще хуже будет". Закрыв лицо руками, я отвернулась от него в угол кухни, чтобы защититься от новых ударов. Помню только то, что отмахнулась от него своей правой рукой, повернувшись к нему, нанеся удар сверху вниз. Я не помню, что брала в руки нож, но когда увидела рану на его левом боку и кровь, то поняла, что это сделала я».

29 марта 2019 года 41-летняя Оксана Демиденко из кубанского поселка Афипский — худая невысокая женщина, работающая товарным оператором на местном нефтезаводе — приехала в управление Следственного комитета по Краснодарскому краю и вручила сотруднице на проходной рукопись, которая начиналась с этих строк. Ко входу вызвали дежурного следователя — спустилась молодая девушка.

Увидев явку с повинной, она спросила Оксану: «Вы осознаете последствия того, что сейчас делаете?».

Оксана кивнула. Следователь расписалась на бумаге, поставила штамп и пообещала передать ее коллеге. Выйдя из здания Следственного комитета, Оксана, по ее словам, почувствовала, что «жить стало легче».

По пути домой женщина купила рыбу на корм собаке, проверила почтовый ящик и нашла там извещение. Испугавшись, что это повестка в суд по делу ее 16-летнего сына Гриши, обвиняемого в убийстве собственного отца — время очередного заседания совпадало со сменой на заводе, поэтому прийти бы Оксана не смогла — она открыла дверь квартиры и, не разуваясь, попросила школьника принести ей паспорт.

Пока подросток искал документ, Оксана рассказала ему, что отнесла в Следственный комитет явку с повинной. «Мам, ну ты жесткая!» — усмехнувшись, ответил Гриша.

Оксана сходила на почту. Выяснилось, что в извещении речь шла о забытой посылке.

Только после этого она написала сообщение старшему сыну Ивану, который опасался, что после явки с повинной домой мать уже не вернется: «Все в порядке».

Брат, муж, отец, деспот

В детстве братья Демиденко из казахстанского города Актау ладили, но, когда Евгению исполнилось 13, Владимир — он был на три года старше — решил, что ему пора взяться за воспитание младшего. «Уроки» проходили в форме спортивных тренировок

— Евгению нужно было подтягиваться, отжиматься, поднимать штангу и гантели. Если младший брат сдавался, не достигнув поставленной старшим цели, Владимир унижал его, предрекая, что тот вырастет девчонкой.

Когда Владимира призвали в армию, Евгений целых два года отдыхал от спорта и на письма брата отвечал с неохотой. Но тот вернулся, и «воспитание» продолжилось.

«За любой малейший "не тот" взгляд, опоздание, отказ что-либо сделать, недовольство можно было получить наказание в виде потягивания на турнике и отжиманий от пола в нереальных количествах раз, запрет на выход на улицу. Доходило и до рукоприкладства. Я стал его бояться. Это продолжалось до того времени, пока мне не исполнилось 18 лет и как-то раз я не ответил ему ударом по лицу. После этого он сильно избил меня, но наступила оттепель. В 19 лет я женился и переехал. На этом мое воспитание старшим братом закончилось», — рассказывал Евгений на допросе у следователя.

Оксана познакомилась с Владимиром, увидев его объявление в местной газете — в разделе «Сваха». Ей было 19, ему — 24. Владимир работал вахтовым методом на нефтяном месторождении и неплохо получал, но родных и друзей выбор Оксаны все равно удивил — при невысоком росте жених весил больше 100 килограмм, а из-за своего характера и манер многим был неприятен.

«Будучи подростком, я всегда боялась его общества, потому что он постоянно рассказывал мне

пошлые анекдоты, соответствующими движениями имитировал половой акт или руками показывал образ полового члена между ног. Меня это смущало и пугало. По отношению к моему любимому певцу он часто говорил, смеясь: "Что, хочешь, чтобы он тебе вдул?". Я плакала, а его это забавляло. Такое случалось регулярно», — вспоминала позже на допросе младшая сестра Оксаны Елена.

Старшего сына — Ивана — Оксана родила уже в первый год отношений с Владимиром. Молодые люди сыграли свадьбу, а в начале 2000-х перебрались в Краснодарский край, где у Владимира было много родственников. Вскоре начались проблемы с алкоголем — с Ваней на руках Оксане не раз приходилось разыскивать пьяного мужа по пивнушкам, чтобы отвести его домой.

Методы воспитания, опробованные в детстве на брате, молодой отец применял теперь к собственному сыну; издевательства стали только более изощренными. Как признавался позже следователю сам Иван, отец заставлял его учить свои любимые песни Высоцкого, а если тот забывал слова — ставил коленками на соль, бил железной бляхой по ягодицам и кулаком — в солнечное сплетение, пока не вспомнит. В присутствии собутыльников отец заставлял семилетнего мальчика ложиться на пол и вставал ему на живот, хвастаясь перед друзьями, какой у сына хороший пресс. Бил через одежду, чтобы не оставалось следов; отрабатывал на сыне запомнившиеся с армейских времен болевые приемы, а когда ребенок спрашивал, за что, отвечал: «На будущее».

Доставалось и племяннику Коле, с которым сестра Оксаны Елена приезжала в гости. Как-то раз, когда мальчику было пять лет, Елена ушла на работу, а Владимир, по ее словам, побрил ребенка налысо, приклеил волосы над верхней губой и сделал фото «с усами», которое потом со смехом демонстрировал родственникам. В 2002 году Оксана родила второго сына — Гришу. Владимир стал издеваться и над ним.

«Я со своим братом Григорием, как нам говорил отец, были пидарасами, \*\*\*\*\* [ушлепками], мразями, \*\*\*\*\* [любителями орального секса с мужчинами]. Мама была мразью и сукой. По именам он нас не называл никогда. Однажды, когда он меня похвалил, он назвал меня страусом — это было самое приятное, что он мог сказать. <...> Он был садист и издевался только над теми, кто слабее его, а под эту категории попадали я с мамой и Гришкой», — говорил на допросе Иван.

«Когда папа был трезвым, он в основном молчал, а когда напивался, становился многословным. Сидя за столом, он мог по три часа произносить нравоучения, а я и брат должны были стоять перед ним, демонстрируя заинтересованность. При этом он беспрерывно обзывал меня тупицей, бараном и другими нецензурными словами, а если замечал, что я потерял интерес, то бил меня — неожиданно, то ладонью по лицу, то кулаком живот, или мог просто выпороть ремнем», — вторил ему Григорий.

«В моем присутствии Владимир неоднократно называл своих детей пидарасами и \*\*\*\*\* [любителями орального секса с мужчинами],

убеждал, что из них не вырастут настоящие мужчины, неоднократно внушал им, что они слабаки и тряпки. Я видела, как им было стыдно — боясь плакать, дети сдерживали слезы и убегали. <...> Оксана рассказывала мне, что была неоднократно бита Владимиром в присутствии Гриши. Во время попыток защитить Григория от нападок пьяного отца он при сыне засовывал ей в рот свои грязные носки, обливал холодной водой», — вспоминала сестра Оксаны Наталья.

Гриша Демиденко, фото из материалов дела. Иллюстрация: Мария Толстова / Медиазона

«Сестра рассказывала, что он обзывал ее матерными словами — шлюха, мразь, \*\*\*\*\* [проститутка], тварь. Все это слышал Гриша. <...> Каждый раз, когда она пыталась встать на защиту детей, ей попадало. Однажды Володя схватил Гришу за шею и начал душить, Оксана хотела оттащить его, но он с силой толкнул ее, она ударилась головой о деревянный край кровати. Володя знал, как бить так, чтобы не оставалось следов. Он мне лично рассказывал, что он в курсе, что если у ребенка в школе увидят синяк, то его могут забрать органы опеки. Но он говорил Гришке: "Только попробуй кому-то пожаловаться! Ты что, в детдоме жить хочешь?"» — говорила следователю другая ее сестра Елена.

Родственники советовали Оксане развестись, но та отказывалась, считая, что без отца детям будет только хуже. Она защищает Владимира и сейчас.

«Конечно, я была сильно молода, когда мы стали встречаться, поэтому я не могла мужу перечить.

Он меня тоже стал воспитывать в своей методике. За сына я просто не могла заступиться, а когда заступалась, он мне говорил, что я тряпку хочу воспитать, что если хочешь кого-то воспитывать, то рожай бабу, а к пацанам не лезь, — говорит она. — Многое из того, что происходило с сыновьями, я узнала только из их показаний уже — у меня просто проблемы с сердцем, и, когда Вовчик себя с ними неподобающе вел, они не рассказывали многое, чтобы я не нервничала. А вообще, по работе, в быту, он был грамотный и умный, даже помогал мне готовиться к экзаменам. Если бы не его пристрастие к алкоголю и неадекватность в состоянии алкогольного опьянения, то он был бы очень хорошим человеком».

Из школы в СИЗО

Вечером 22 декабря 2018 года Оксана вернулась с работы. У мужа был выходной, и он остался дома один. Старший сын — на тот момент 21-летний Иван — еще четыре года назад уехал учиться в Новочеркасск, а младший, 16-летний Григорий, отправился с друзьями в Краснодар, чтобы погулять по торговому центру «Галерея».

Когда Оксана зашла на кухню, она застала Владимира перед пластиковой бутылкой и по запаху поняла, что муж пьет самогон. Подумав, что он еще не настолько пьян, чтобы разговор не имел смысла, женщина принялась отчитывать супруга. В ответ тот принялся материться и обвинять жену в том, что она «поймала кисляк» и не дает ему отдохнуть.

«Я не хотела с ним разговаривать, ушла в зал, включила телевизор. Я даже не помню, что там

показывали. Я была такая уставшая после 12-часовой смены... Всю смену я только и думала — как хочется прийти домой, попить чай и лечь спать. Я стала звонить Гришке, чтобы он приехал домой. Когда он приехал, я стала помогать ему раздеваться, сказала, что папа пьяный, давай быстрее, пойдем спать. Обычно я в таких ситуациях уезжала к маме, но в этот раз она сильно болела, я не хотела ее расстраивать, поэтому решила с Гришкой спрятаться дома, о чем сейчас очень сильно жалею», — вспоминает Оксана.

Не обращая внимания на привычную брань отца, Гриша почистил зубы, ушел в свою спальню и лег на первый этаж двухъярусной кровати. Минут через пять Оксана забралась на второй; оба сделали вид, что спят. Через 15 минут в комнате появился Владимир и стал тормозить сына. Оксана, по ее словам, попыталась образумить мужа, напоминая, что в восемь утра Грише нужно быть у репетитора по математике, но супруг не отставал.

Решив отвлечь мужа, женщина спрыгнула с кровати и пошла в другую комнату. На столе там стояла почти допитая бутылка водки, на мониторе компьютера застыла сцена танкового сражения — Владимир играл в *World of Tanks*. Оксана открыла балконную дверь и взяла трехлитровую бутылку домашнего вина, чтобы вылить — она знала, что после крепкого спиртного супруг любил «догоняться».

Увидев это, Владимир рассвирепел — он стал выворачивать жене руки и материться. Оксана убежала на кухню — по ее словам, там она хотела спрятаться и заодно попить воды — и

встала у подоконника. Супруг подошел ближе, с размаху сильно ударил ее ладонью, потом повторил пощечину и произнес: «Сейчас тебе будет хуже». По словам Оксаны, она зажмурилась, прикрыла горящее от ударов лицо левой рукой, а правой — попыталась отмахиваться, и открыла глаза, только когда услышала, что Владимир хрипит. Он лежал на полу, из левого бока уже натекала лужа крови.

Согласно карте вызова, женщина обратилась в скорую помощь в 00:23 23 декабря. На допросе медики рассказали, что у подъезда их встретил Гриша. Его спросили, что случилось; подросток спокойно ответил, что отец ударил себя ножом в грудную клетку, вспоминал один из врачей, Иван Белименко. Спокойной ему показалась и Оксана — когда врач вошел в квартиру, та встретила его и показала на лежавшего без сознания мужа. Как и сын, она сказала, что Владимир ударил себя ножом сам.

Такой же ответ на вопрос о случившемся на кухне дала она и прибывшему на место участковому Григорию Галечяну, который помог медикам отнести Владимира в машину, вернулся в квартиру и нашел нож с замытыми, как показалось полицейскому, следами пятен бурого цвета. «Мне показалось подозрительным наличие недавно мытого ножа, на котором имелись пятна вещества бурого цвета. Демиденко [Оксана] мне тоже показалась подозрительной, в тот момент она находилась в неуравновешенном эмоциональном состоянии и какой-либо возможности опросить ее не было, так как она уехала совместно с бригадой скорой помощи», — рассказывал участковый следователю.

Врачи вспоминали, что по пути в больницу женщина плакала и молилась.

Пока Оксана ждала у дверей хирургического отделения, ее опросил другой участковый. «В ходе конфликта на кухне он взял в руки нож и начал пугать, что ударит себя, но я ему не поверила. Потом я отошла попить воды к фильтру, повернулась к мужу и увидела, что он лежит на полу с ножом. Я опять подумала, что он шутит, и сказала, чтобы он прекратил, но когда подошла ближе, увидела, что на полу была кровь», — записал полицейский за женщиной.

В 02:15 Владимир скончался. Несмотря на объяснения Оксаны, в справке медики указали, что причиной смерти стало колото-резаное ранение грудной клетки с повреждением аорты, которое погибший не мог причинить себе сам.

Уголовное дело по статье 105 УК (убийство) по факту гибели Демиденко было возбуждено лишь 26 декабря 2018 года. За день до этого 16-летний Гриша пришел в полицию с явкой с повинной.

«23 декабря около 00:15 я, находясь по адресу [своего проживания], нанес один удар кухонным ножом в область левого бока своему отцу, Демиденко Владимиру, причинив ему колото-резаную рану. В связи с постоянным унижением и насилием в семье, чтобы защитить свою маму. В содеянном раскаиваюсь, вину признаю полностью. Написано собственноручно, без какого-либо давления со стороны сотрудников полиции», — говорилось в документе.

Давая дальнейшие объяснения, школьник уточнил, как именно произошло убийство — по его словам, увидев, что на кухне отец дважды ударил мать и сжал кулак, подготовившись к третьему удару, он схватил лежавший на столе нож и решил напугать Владимира, нанеся ему небольшой порез или царапину, подбежал к нему и, держа нож «параллельно полу», ткнул лезвием в левый бок. В объяснении подросток, слово в слово повторяя формулировку статьи 107 УК (убийство в состоянии аффекта), уточнял, что удар нанес «в состоянии внезапно возникшего душевного волнения, вызванного насилием со стороны отца в отношении мамы, а также вследствие длительной психотравмирующей ситуации в семье со стороны отца».

В тот же день Гришу задержали на 48 часов. За это время следователь следственного отдела СК по Северскому району Кубани трижды допросил школьника (в том числе, под видеозапись провел проверку показаний на месте) и предъявил ему обвинение по части 1 статьи 105 УК (убийство). На съемке школьник демонстрирует, как забежал в кухню, схватил нож и, держа его горизонтально, вонзил в бок отцу.

28 декабря следователь вышел в суд с ходатайством об избрании школьнику меры пресечения в виде заключения под стражу, указав, что Гриша «может оказать давление на свидетелей, продолжить заниматься преступной деятельностью, а также совершить действия, направленные на сокрытие следов совершенного им преступления». Судья ходатайство удовлетворил.

В СИЗО №1 Краснодара школьник провел 20 дней, пока суд апелляционной инстанции не отменил постановление об аресте, отметив, что следователь не предоставил никаких конкретных данных о намерении Демиденко воспрепятствовать расследованию и не учел факт подачи им явки с повинной. Грише была назначена новая мера пресечения — запрет определенных действий. После этого подростка направили в клиническую психиатрическую больницу №1 Краснодара — на экспертизу, которая должна была ответить на вопрос, находился ли он на момент убийства в состоянии аффекта. Сославшись на то, что все свидетели, оказавшиеся в квартире после гибели Владимира, охарактеризовали поведение подростка как «спокойное», эксперты заключили: «В момент совершения преступления Демиденко находился в эмоциональном состоянии <...>, однако данное состояние не достигло степени физиологического аффекта и не могло оказать существенного влияния на способность осознавать собственные действия».

Фото из материалов дела. Иллюстрация: Мария Толстова / Медиазона

31 января — чуть больше, чем через месяц после смерти Владимира — даже не попытавшись снять отпечатки пальцев с орудия убийства, следователь уведомил Гришу об окончании следственных действий. В дополнении к протоколу об окончании расследования от имени самого подростка указана его позиция: «Следствие проведено не полно, неправильно, в противоречии с доказательствами квалифицированы действия обвиняемого, который находился в состоянии обороны».

Еще спустя месяц было готово обвинительное заключение по делу — согласно этому документу, подросток решил убить отца «на почве личных неприязненных отношений, вызванных противоправным поведением потерпевшего, и желая пресечь его действия, осознавая противоправность своих действий, предвидя неизбежность наступления общественно-опасных последствий и желая их наступления».

Советы адвоката

Первое заседание по делу Гриши Демиденко состоялось в Северском районном суде Краснодарского края 26 марта. Сначала выступила мать убитого Антонина Максимовна. Она подтвердила, что Владимир с детства был жестоким человеком и вспомнила, как в юношеские годы тот бросил своего младшего брата посреди пруда, из-за чего тот чуть не утонул.

— Знаете, за что судят вашего внука? — спросил прокурор.

— Ну, он сына моего зарезал. Но это неумышленное убийство, я так думаю, — ответила пенсионерка.

Следующей должна была выступать Оксана. Не успев подписать предупреждение об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний, она разрыдалась и с трудом произнесла: «Я хочу сказать правду, что мой ребенок здесь не виноват, это сделала я, а ребенок взял все на себя».

Оксана рассказала, что в момент убийства Гриша спал, а она схватила нож и ранила им мужа, когда тот несколько раз ударил ее по лицу. Услышав шум падающего тела, подросток проснулся, мать попросила его принести телефон, набрала скорую и сказала в трубку, что «зарезала мужа», а затем отправила сына встречать медиков у подъезда. Объяснить, почему полицейским и врачам она сказала, что муж ранил себя сам, Оксана так и не смогла.

«Я на каком-то автомате сказала, я была в таком шоке... Только когда, вернувшись из больницы, я поднялась домой, и Гришка мне сказал, что милиционер забрал нож — вот только тогда я поняла, что я сделала. <...> Я не могу сказать, как я взяла нож, где взяла, рассчитывала ли я силу — я этого ничего не помню», — вспоминала она.

Затем судья объявил десятиминутный перерыв. По возвращении в зал заседания Гриша передал суду заявление: «Хочу сообщить, что все ранее данные мною показания, данные на предварительном следствии — это самооговор. Я хотел защитить маму и взял вину на себя». Он подтвердил показания матери, уточнив лишь, что в тот вечер не спал, а притворялся спящим.

По словам Оксаны, по пути в морг на следующий день после гибели Владимира она увидела вывеску конторы адвоката Сергея Богданова. В кабинете ее встретил лысеющий мужчина в галстук и очках, сходу обратившийся к незнакомой посетительнице на «ты». Когда вдова рассказала, как убила мужа,

юрист пообещал помочь ей за гонорар в размере 100 тысяч рублей. Когда деньги были получены, Богданов изложил Оксане свой план.

«Он мне стал говорить, что повезло, что ребенку 16 лет, что нужно, чтобы он взял на себя вину, так как он малолетка. Как он выразился: "С ним мы выскочим, а тебя я не вытяну, ему максимум, что будет — это условно, а тебе — от шести лет". Я сказала, что у моего ребенка жизненные планы, что если у него будет судимость, то он не поступит никуда... Но он начал говорить, что все нормально, кому эти справки нужны, что это все путинская ерунда, а Путина свергнут завтра-послезавтра. Все это звучало чудовищно, но я была в таком состоянии — я 21 год с мужем прожила, а теперь его не стало — что когда он позвонил на следующий день и сказал, чтобы я приезжала с ребенком, я почему-то послушалась. Там он объяснил Гришке, что надо, чтобы он взял все на себя, что папы нет, а маму если в тюрьму посадят, то его в детский дом отправят. Гришка сказал: "Да, я все возьму". Такие слова еще сказал: "Мама, я тебе пригожусь!"» — уверяет Оксана.

Затем адвокат попросил нарисовать план квартиры и придумал версию, в которой Гриша забежал на кухню из коридора и в кульминационный момент конфликта встал между родителями. По словам Оксаны, после этого Богданов позвонил знакомому оперативнику и сказал: «Сейчас мы к тебе с явкой придем, будет у тебя звездочка!».

26 декабря Владимира похоронили. Сразу с кладбища Оксана и Гриша поехали к Богданову, и адвокат в

течение нескольких часов повторял с подростком версию, которой тому следовало придерживаться на допросах. «Мы все вместе поехали в Следственный комитет. После допроса Богданов почему-то вернулся один. Отдал мне Гришкин телефон, шнурки, ремень. Я просто в шоке была, ничего не могла понять! Он мне сказал, что все это фигня, что его задержали на 48 часов, а после 48 часов отпустят, заверил, что, так как он малолетка и дал признательные показания, то и речи о том, что ребенка могут закрыть, быть не может. На следующий день я ездила сдавать кровь на экспертизу, и видела, как Гришу проводят по коридору. Я никому не пожелаю увидеть, как его ребенок идет в наручниках, одной рукой прикованный к полицейскому», — вспоминает Оксана.

По ее словам, после того, как Гришу заключили под стражу, адвокат Богданов сказал, что «есть возможность решить все деньгами». «Цена вопроса — 700 тысяч. Куда пойдут эти деньги, он не объяснял, но как-то выразился, что поезд наш стоит на запасном пути, что-то такое. 700 тысяч у меня, конечно, не было. Чем больше времени проходило, тем более странно он общался со мной и меньше работал, стал оскорблять меня, а при этом даже не смог сходить ни разу к Гришке в СИЗО — я ведь свидетель по уголовному делу, меня к нему не пускали. А он говорил: "Да че ты начинаешь, он там сидит, плазму смотрит"», — рассказывает Оксана.

Когда Гришу отпустили из СИЗО и отправили на психиатрическую экспертизу, адвокат Богданов, говорит Оксана, предложил заплатить врачам 200

тысяч рублей за то, чтобы те зафиксировали у обвиняемого состояние аффекта — при этом знакомых среди сотрудников больницы у него не оказалось. После этого доверительница стала записывать разговоры со своим защитником на диктофон.

«Можно перейти спокойно на 108-ю (статью УК, убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны — МЗ)! Иди туда, поплачься, поговори. Если ты не хочешь, это на твоей совести. Идешь к врачам, с собой надо двести-триста [тысяч] рублей отнести. И все они бы написали, как надо, и все. А ты — нет, я не пойду... <...> За 200–300 рублей и дурость напишут, и в каком ты состоянии находился в тот момент — все найдут. А ты не хочешь. Ты тупая, понимаешь? Я очень разочарован в твоём этом решении. Я думал, ты будешь со мной сотрудничать, мы вместе делаем одно дело. А она — суд присяжных, суд присяжных. Не надейся на присяжных! Не бывает по малолеткам присяжных. Для малолеток нет суда присяжных. Помолчи, закрой рот свой, и не надо мне тут дискутировать со мной. Для этого надо было тебе не с детства \*\*\*\*\* [трахаться], а идти учиться!» — отчитывает адвокат свою подзащитную на первой из сделанных ею записей.

Гриша Демиденко, адвокат Сергей Богданов, педагог-психолог Ирина Большакова. Иллюстрация: Мария Толстова / Медиазона

Из аудиозаписи разговора Оксаны Демиденко и адвоката Богданова:

— Ну давайте используем этот, суд присяжных!

— Замолчи, закрой свой рот поганый, \*\*\*\*\* [черт подери]! Нету суда присяжных!

— Ну как нету...

— Ну иди, \*\*\*\*\* [черт подери], иди в суд присяжных!

— Подождите, но мне [заместитель начальника управления образования Северского района Анастасия] Новикова сказала...

— Дура она, твоя Новикова! Иди к ней! У меня нету суда присяжных!

— Ну подождите, подождите, а вам есть через кого это отнести?

— Нет, нет! Сама!

— Ну как я сама пойду?

— А не хочешь — не надо! Не ходи! Это твой сын!

— Да хочу я! Я просто в шоке, что Гриша на допросе, он сверял, и на 105-ю статью наговорил...

— Я тут пять дней вас тренирую, каждый день, рассказываю, что надо говорить, а вы все. <...> Я его учил, а он рассказывал другое! И что он наговорил?

— На 105-ю он наговорил!

— И что, он сказал, что защищал? Я с него целый допрос это вытаскивал, нет — «я зубы почистил, руки помыл и пошел спать». Отчего, а? Он молчит! Я тебе

рассказывал, отчего — [надо говорить] что я боюсь, что я защищаюсь. И в конце только протокола, в конце показаний он чуть-чуть сказал только. Что я из него, вытаскивать буду?

— Ну и это 105-я!

— Да нормально все, нормально! Если что-то не устраивает, иди к нему, плачь... Иди, иди вон туда.

— [нрзб] но ведь будет суд!

— Скотина, \*\*\*\*\* [черт подери]! Будет суд! Будет суд присяжных! А я тебе говорил, что надо до суда не донести! Иди к прокурору поплачь!

— И что он, сразу все замнет, извините за выражение?

— На 108-ю переквалифицирует, да и все!

Наконец, когда обвинительное заключение было передано на утверждение, Богданов, по словам Оксаны, посоветовал передать деньги прокурору — на этот раз речь шла о 500 тысячах рублей. Оксана снова отказалась.

Из аудиозаписи разговора Демиденко и Богданова:

— Сергей Иванович, вот хотела спросить, как у нас дела.

— Дела у нас нормально. Ты ходила к прокурору?

— Ходила, в понедельник.

— И его не было?

— Нет, почему, был.

— И что ты ему сказала?

— Ничего не сказала, ну, в тот момент не было дела...

— У меня еще нету дела, значит, через день надо прийти.

— Ну я приду, и что делать?

— Ну проси его за сына!

— Ну я просила...

— Ну еще раз попроси, тебе что, рот у тебя заболит или что?

— Так я просила за него, но он что, послушал, он сказал

— я с делом ознакомлюсь, вынесу решение...

— Ну так вот, вынеси мне решение, переквалифицируйте на защиту, он защищал меня...

— Да я говорила.

— Ну так еще раз пойди скажи! Сиди под кабинетом, как побитая собака, изображай из себя страждущую...

— Да я делала, делала!

— Ну так что ты один раз делала! Я тебе говорю — делай каждый день, раз ты волнуешься за сына. Если ты не хочешь платить...

— Да кому, кому платить?

— Ему!

— А как я ему заплачу?

— Ну как, просто так! Ну заплати!

— А как я к нему приду и скажу...

— Ну так и скажи! У меня вот тут это самое... Он сидит, ждет. Так и скажи!

— А у вас вот есть выход?

— Какой выход? У тебя, ты что, дверь не знаешь где?

— Ну я знаю, но не могу же я, в кабинете...

— А почему нет?

— Ну так это ж взятка будет, мне потом за эту взятку что будет? Это же преступление...

— Ты че придуряешься? Ты че придуряешься, я не пойму? Ты что при мне придуряешься?

— В каком плане?

— Вообще, зачем ты рассказываешь такое... Ты понимаешь, ты вот до такой степени не хочешь

ничего делать! Ты к врачам не пошла, я тебе говорил, бери деньги, тебя ждут неделю. Ты не пошла.

— Да как я туда пошла бы?

— Скажи, вот, я собрала вам 500 тысяч и все. Вот ему просто скажи!

#### Эпилог

После последней попытки Богданова склонить Оксану к даче взятки она разорвала с ним соглашение. На приеме у детского омбудсмена Краснодарского края Татьяны Ковалевой женщина пожаловалась, что защитник сына не справляется с работой. Тогда чиновница дала ей телефон адвоката Алексея Аванесяна, с которым у аппарата уполномоченного по правам ребенка заключено соглашение о безвозмездном сотрудничестве.

Аванесян, представляющий интересы Демиденко в рамках про-боно проекта «Право-45», подключил к защите подростка еще 11 адвокатов. «Сейчас, когда явка с повинной [Оксаны] написана, показания в суде даны, судья, конечно, должен вернуть дело следователю. Но тут не все так просто. Его и после этого могут осудить, потому что кто признает свои ошибки — что они держали ребенка под стражей, что ребенка засадили в тюрьму только на основании явки с повинной? Но мы будем бороться очень серьезно, и даже если обвинение с мальчика будет снято, маму тоже будем дальше защищать», — говорит он.

По словам адвоката, в качестве аргумента защита намерена указать судье на нестыковки в деле — так,

например, во всех своих показаниях Гриша говорил о том, что держал нож горизонтально, в то время как экспертиза, с результатами которой защите удалось ознакомиться лишь по окончании расследования, установила, что удар был нанесен сверху вниз. Кроме того, Аванесян намерен найти диспетчера скорой помощи, ответившего на первый звонок Оксаны — когда та якобы сказала, что «зарезала мужа».

Оксана надеется, что обвинения с сына будут сняты. Лишиться свободы вдова, по ее словам, уже не боится. «Если, не дай бог, моего Гришу закроют, я что, жить смогу? Я жить не смогу, зная, что мой ребенок там. <...> Как я ему буду смотреть в глаза, когда я своему ребенку сама жизнь поломала? А мне терять нечего, мне уже 41, учиться мне не надо, никаких планов у меня великих на мою будущую жизнь нету. Мне там, если он будет на свободе, будет лучше, чем если я буду на свободе, а он там. Виновата в этом только я — только мои действия повлекли смерть мужа. Но я не хотела этого делать. Я это делала неосознанно и не специально, я этого не планировала», — говорит она.

В ближайшее время Оксана планирует подать жалобу на Богданова в краевую адвокатскую палату. Сам юрист в разговоре с «Медиазоной» отказался обсуждать дело Демиденко, сославшись на адвокатскую тайну, но заверил, что никогда не предлагал своей доверительнице давать кому-либо взятки.

«Она дура просто. Она несдержана, это женщина в отчаянии. Ее загнали в угол, и она от себя начинает [чушь] говорить. Она — психология жертвы. 20 лет она

жила в ужасе, насилии, а сейчас этого не стало, и ей нужен очередной насильник. Ну, выбрала меня. Хотя убийство-то никуда не денется. Ну, он сядет. Просто он сядет на три года, а ей намного больше [дадут], если с сыном они согласовали и она все на себя тянуть будет. Мы до такой степени с ней плотно общались, у нее такие тараканы в голове, такие большие... Ей нужно, что кто-то ее обижал, кто-то насилывал. [Чтобы] кто-то виновен был в ее действиях, и в том числе в произошедшем», — рассуждает Богданов.

*Редактор: Дмитрий Ткачев*